

Орест Сомов

Юродивый

Сомов Орест Юродивый

Орест Михайлович Сомов

Юродивый

Малороссийская быль

Весело ехал молодой офицер из одной загородной деревни, где провел день в самом приятном кругу - в кругу гостеприимных хозяев, милых их дочерей и пяти или шести молодых своих товарищей. Он спешил на ночь в город, потому что на другой день должен был идти в караул. Луна, верная спутница летних ночей украинских, сыпала серебряный свет свой на рощицы, на холмы и поля и рисовала взору прелестные картины, дополняемые пылким воображением.

Лихая тройка коней быстро несла каткие дрожки офицера. Вдруг, на повороте около одного оврага, что-то черное, лежавшее почти на самой дороге, мелькнуло в глаза пугливых коней; кони всполохнулись, рванулись и, не чуя вожжей кучера, бросились в сторону с большой дороги, по рытвинам и кочкам. Кучер слетел с своего места, офицер почти вслед за ним - и кони скоро скрылись из глаз.

Не чувствуя никакого ушиба, Мельский - так назывался офицер - встал, отряхнулся и

пошел отыскивать своего кучера, которого скоро нашел также на ногах и в добром здоровье. Оба они упали на мягкий чернозем и разделались только невольным своим полетом. Поздно было искать лошадей; да и где их найти? Почему офицер, со всею беспечностью молодых лет, оставя на произвол судеб коней своих и колесницу, захотел узнать, что было причиною их испуга.

- Иван,- говорил он кучеру, шедшему вслед за ним,- как ты думаешь, чего испугались лошади?

- Помилуйте, сударь, да как и не испугаться: на дороге лежала целая стая волков!

- Трус! Недаром говорят: у страха глаза велики.

- Да право, сударь, их было по крайней мере пары две или три.

- Перестань болтать пустое; если б это были волки, то ужли ты думаешь, что они и не пошевелились бы в то время, когда мы со стуком пронеслись мимо них?

- Воля ваша, сударь, а я сам видел с полдюжины глаз, которые горели, как уголья.

- Полно, полно! Ты видел в траве како-

го-нибудь светляка или и вовсе ничего не видал. Ступай за мною: пойдём доведываться, что там было.

- Да как, сударь! При мне ни топора, ни большого ключа от колес: все это в дрожках.

- При тебе твой кнут, а за поясом вижу у тебя большой складной нож: этого очень довольно. Ступай за мною, и больше ни слова.

Не смея ослушаться своего барина, Иван пошел за ним, взяв в обе руки оба свои оружия, повеся голову и ворча себе под нос.

Мельский и сам из предосторожности вынул шпагу и окидывал взором дорогу впереди себя. Небольшого труда стоило ему отыскать черное страшилище Ивана и лошадей: то был человек; он лежал на краю дороги, поджав ноги под платье и укутав голову рукою, и, казалось, спал крепким сном,

- Вставай, пьяница, - кричал ему Мельский, толкая его под бок носком сапога.

- Пьяница? Не я пьяница, а твои глаза охмелели, - отвечал грубый, хриповатый голос.

- Вставай же, покамест тебя не подняли неволею.

- Оставь меня! Тебе завидно, что я здесь сплю в чистом поле, и самому приходит охота полежать на сырой земле. А вот, подожди с недельку, тогда и я в свой черед тебе помешаю...

- Ну, как хочешь, приятель, а я тебя вытрезвлю,- сказал Мельский, принимая его за пьяного, который грезил с хмеля...- Иван, подними его!

- Не дотрагивайся до меня, хам! - сказал мнимо пьяный и поспешно встал на ноги.

Это был человек высокого роста, с щетинистой бородою и всклокоченными на голове волосами. Лицо его было бледно и сухо и при лунном свете казалось как бы мертвым; мутные, бродящие глаза его показывали, что голова его не в самом здоровом состоянии.

- А, да это наш полоумный,- вскричал кучер, очнувшись от страха,- в городе зовут его Василь дурный.

- Дурный!-подхватил Василь, передразнивая кучера.- Правда, Василь не обижает бедных лошадей и не продает их сена и овса на сторону, не бьет понапрасну бедного козла на конюшне, не ходит в кабак по ночам и не бра-

нит тайком своего барина. Василь боится бога, ходит в церковь, читает молитвы и поет стихиры; Василь живет подаяннем, а боже избави его красть или обманывать.

Во всю эту речь кучер стоял как сам не свой, повеся голову и утупя глаза в землю, как будто искал чего-то под ногами. Мельский между тем улыбался и поглядывал то на кучера, то на полоумного, который стоял без шляпы, в черном, длинном платье толстого сукна, сшитом наподобие монашеского подрясника; подпоясан он был узким ремнем с железною ржавою пряжкой; обуви на нем вовсе не было; в руке держал он длинную палку с вырезанными на коре ее узорами.

- Иван,- сказал Мельский кучеру,- ступай в ту сторону, куда убежали лошади, и старайся их отыскать!

- Ступай! - примолвил юродивый.- Найдешь и не возьмешь; отзовутся и не дадутся.

Кучер отправился искать лошадей, а Мельский пошел по дороге к городу. Полоумный, не отставая от него, шел широкими скорыми шагами, размахивая и опираясь своею палкою, и напевал духовные песни. С Мельским

он не заводил разговора.

Мельский воспитан был в нынешнем веке и по-нынешнему, следовательно, вовсе без предрассудков. Но странный его спутник все-лял в него какое-то незнакомое чувство: то был не суеверный страх и не подозрение, а нечто между тем и другим. Грубый, сиповатый голос полоумного и унывные напевы стихир из панихиды терзали слух молодого офицера и разливали в душе его тоску непонятную.

Во всю дорогу Василь пел и не говорил ни слова; Мельский молчал и как бы боялся завести с ним разговор. Таким образом прибыли они к городской заставе. Часовой окликнул и, взглянув на мундир и на лицо Мельского, почтительно дал ему дорогу; но, как можно было заметить в светлую лунную ночь, солдат казался удивленным, увидя своего полка офицера пешком и с таким странным товарищем.

- Ваше благородие,- сказал вполголоса служивый, подойдя к Мельскому,- не прикажете ли задержать этого бродягу? Он иногда раз двадцать за ночь проходит туда и назад чрез

заставу, и бог знает, что у него за дела и все ли доброе на уме?

- Бродягу! - громко сказал полоумный.- А задержал ли ты того бродягу, который когда-то без спроса отлучался от полка и явился тогда, как его за шею приволокли? Ему бы палочки, палочки... много, много! Благо, что командир добрый, пожалел его спины.

Солдат остолбенел, а Мельский с удивлением смотрел на юродивого. Ему странно казалось, как человек, лишенный полного употребления ума, мог знать все тайны людей, почти вовсе ему незнакомых?

Полоумный, оконча свою речь, пошел прежним своим шагом вдоль по улице. Мельский скоро догнал его; из любопытства ли, или по другому какому побуждению, он решился с ним заговорить.

- Где ты живешь?-спросил он у полоумного.

- Под небом на земле,- отрывисто отвечал Василь.

- Верю; но где твой дом?

- Здесь нет; а там! - сказал юродивый, подняв палку вверх и очертя ею полкруга в воз-

духе.

- Где же твой ночлег?

- Где бог приведет.

- Так ночуй у меня; я тебя накормлю...

- Да, накормишь! - грубо перервал юродивый: - сегодня пятница, а у тебя на столе то курочка, то уточка.

- Хорошо; я велю тебе подать чего-нибудь нескоромного; напою тебя добрым вином, дам тебе хорошую постелю.

- Василь пьет воду; Василь спит на голой земле или на помосте. Да пусть по-твоему: было не было - ночую у тебя.

До квартиры офицера ни он, ни юродивый не говорили больше ни слова. Одетый денщиком слуга Мельского отворил дверь на стук своего господина и чуть было не уронил свечи, отступя назад, когда увидел, какого гостя барин привел с собою.

- Василь не леший! - сказал поспешно юродивый. - Он бродит по ночам, а не шатается. А пуще в лавках ничего не забирает в долг на чужой счет.

Ловкий слуга думал отделаться медным лбом. Он усмехнулся и оборотился, чтобы све-

тить своему барину по лестнице.

- Смейся! - ворчал юродивый, как будто сам с собою.- Заплачешь, и горько заплачешь, и об эту ж самую пору.

Мельский взглянул на юродивого; но он уже шептал и, как видно было, молитвы, потому что от времени до времени крестился и наклонял голову.

- Весело, светло, красно! - сказал он, войдя в комнаты.- Много казны, много казны! - и запел старинную песнь о блудном сыне:

О горе мне, грешнику сущу

Горе, благих дел не имущу.

По приказанию Мельского ужин для юродивого был приготовлен; но он ел только хлеб, а пил воду и очень немного вина. Во время ужина он молчал и только иногда делал набожные восклицания; потом, помолясь богу и поблагодаря хозяина, он сказал: "Теперь дай мне ночлег поближе к дверям, что на улицу. Когда мне надобно будет идти, я разбужу кого-нибудь из твоих людей и велю за собою запереть двери. Еще увидишь меня, и еще, и еще; тогда Василь скажет тебе большое спасибо и пойдет далеко, далеко - отсюда

не видно!"

Он выбрал себе ночлег в передней и расположился на полу у самых дверей. Мельский остановился и смотрел, что он будет делать. Юродивый долго и с теплою верою молился, стоя на коленях и часто поднимая руки к небу; потом, положив на полу под голову себе данную ему подушку и откинув на сторону всю прочую постелью, он лег не раздеваясь и в ту же минуту закрыл глаза.

Мельский также пошел в свою спальню и лег в постелью. Он думал, что утомление от загородных его резвостей и танцев и от невольного пешеходства даст ему крепкий и спокойный сон, но обманулся. Станный вид странного его гостя, его слова, в которых он отчасти открывал, что случилось и что случится вперед, не выходили из головы молодого офицера. Он всячески старался уверить себя, что слова полоумного были обыкновенным последствием расстроенной головы, что там, где он как будто бы намекал на дела, которые ему не могли быть известны, говорил он наудачу, зная общие повадки слуг, и что сказанное им солдату мог он как-нибудь услышать от его

сослуживцев; со всем тем юродивый беспрестанно представлялся его воображению. Несколько раз Мельский заводил глаза и принуждал себя уснуть; но ему было так душно, комната его теснила, стены как будто сжимались вокруг кровати, и потолок над нею пригибался к полу. В досаде Мельский ворочался, бранил себя за эту неизвестную ему доселе слабость и снова закрывал глаза; но если иногда забывался, как перед сном, то вид юродивого, его бледные впалые щеки, его мрачный взгляд и бродящие глаза, его высокий стан, выраставший выше и выше и, наконец, превращавшийся в исполинский, неотступно были в мечтах молодого офицера и мучили его, как бред горячки. То чудилось ему, что юродивый хватает его за руку жилистою, сухою своею рукою или что он наклоняется к нему на изголовье и говорит грубым, хриплым своим голосом: "Вставай, я пришел помешать тебе ложиться". Мельский вздрагивал и вскакивал. Наконец, видя, что не может приневолить себя уснуть, он приподнялся, сел на постеле и начал в мыслях доискиваться естественной причины своей бессонницы и неле-

пых грез, которые его тревожили. "Так, - наконец сказал он сам себе, - нет ничего естественнее: излишнее движение привело сегодня кровь мою в волнение; это временный нервический припадок. Смешно, что я, солдат, не робевший ни пуль, ни штыков, расстроил себе воображение вздорным бредом, и от чего ж? от полоумного!" Рассуждая таким образом, Мельский успокоился; но чтобы вполне разуверить себя, что юродивый ему вовсе не страшен, он встал, взял горевшую в другой комнате ночную свечу и пошел в переднюю. Долго смотрел он на странного виновника своей бессонницы. Юродивый спал крепким сном, на лице его видно было спокойствие чистой совести и детская беззаботность; только раз сквозь сон провел он туда и сюда рукою перед лицом, как будто бы отмахивая от себя что-то неприятное. Мельский возвратился в спальню и лег опять в постель; на этот раз природа взяла свое; он начал засыпать, как вдруг послышалось ему, что над головою у него что-то затрещало; стены как будто бы обрушились и падали с протяжным гулом. Он снова вскочил и, не приписывая

этого мечте, а какому-нибудь шуму-в доме, опять взял свечу, прошелся по всем комнатам и еще раз взглянул на юродивого, который спал, как и прежде; все домашние Мельского также погружены были в глубокий сон, в доме все было тихо и спокойно, все уборы, все вещи стояли в целости на своих местах. После сего осмотра Мельский ушел в свою комнату и на этот раз спокойно проспал до самого того времени, как слуга вошел напомнить ему, что время собираться в караул.

- А вчерашний наш чудак?-спросил Мельский.

- Он ушел, сударь, куда еще до солнца. Чуть начало брезжить, он разбудил меня, чтоб я запер за ним дверь, и велел только доложить вам, что скоро скажет вам большое спасибо за вашу хлеб-соль.

- Все ли цело в доме?-спросил Мельский, не хотя прямо спросить о шуме, который слышался ему ночью.

- Все, сударь,- отвечал слуга почти сквозь зубы, приняв, что вопрос сей относился на счет Василя.- Этот дурачок ничего не уносит, где днюет или ночует, как бы что плохо ни

лежало.

- Я не о том спрашиваю, - сказал Мельский, дав другой вид своему вопросу. - Пришел ли кучер, и нашлись ли лошади?

- Кучер пришел, сударь, только без лошадей. Он здесь в передней, дожидается, когда изволите выйти.

Мельский велел позвать кучера, который рассказывал ему, что в одном небольшом леску слышал ржание и сарпанье лошадей, но за темнотою от заката месяца, за густыми кустарниками и валежником никак не мог пробраться к тому месту; что страх от волков помешал ему дождаться там утра, но что он теперь же опять идет туда.

Побраня и отослав кучера, Мельский оделся, вышел в другую комнату и взглянул в окно. Там увидел он, что лошади его и с дрожками мчались во всю прыть по улице и вдруг остановились перед домом. Ими смело и ловко правил юродивый, а кучер бежал следом. Осадив и остановя лошадей на всем бегу, юродивый сдал вожжи подоспевшему кучеру, а сам пошел в комнату к Мельскому.

- Моя беда, хоть не моя вина, - сказал он во-

шедшим.- Василь поправил, как умел; вот твои кони и колесница: кое-что пообито и по-растеряно. Да ты не горюешь; у тебя лишних рублей много, много - хоть за окно мечи! Так почти ты и делаешь.

- Да ты почему это знаешь?-спросил его Мельский.

- Знаю, знаю! Василь все знает: так ему на роду написано. Пестренькие карточки много тянут рублей по зеленому сукну; а там и пиры, и затеи, и бог весть!.. Правда: подаешь гривенки нищим, и много... Хорошо, хорошо, не пропадут!

- Вот и тебе гривенка за то, что отыскал и привел моих лошадей,- сказал Мельский, подавая ему червонец.

- Спасибо! Красен, красен! Много свеч богу, много гривенок братьям, молвил юродивый, держа червонец на ладони и смотря на него.- Спасибо, прощай!

Мельский хотел его остановить, но он уже ушел; посланный слуга кликал его на улице, но он не оглядываясь шел размашистым скорым своим шагом и распевал стихиры.

В остаток этого дня ничего особенного не

случилось с Мельским, так как и в следующие за тем дни; он почти позабыл о юродивом, который и сам не являлся и не встречался ему. На шестой день он собирался вечером на бал к богатой и роскошной графине Верской; уже он садился на дрожки, чтоб ехать к графине, как вдруг увидел идущего по улице Василя, который размахивал своею палкою и давал ему знак подождать. Мельский, желая узнать, что из того будет, велел кучеру приостановиться.

- Пстой, повороти оглобли,- сказал тородивый, подойдя к офицеру.-Подале оттуда: там тесно, душно; там все вертится - и ноги и голова. Закружишься - забудешься; на сердце одно, а на языке другое. Язык наш - враг наш: прежде ума рыщет.

Мельский усмехнулся и, занятый ожидавшими его веселостями, бросил несколько серебряных денег юродивому, закричал кучеру: "Ступай!" - и скоро проскакал по улице. Однако ж, по невольному движению, он оглянулся при повороте в другую улицу и увидел, что юродивый, стоя все на том же месте, взглянул на небо и размахнул обеими руками врозь,

как будто бы хотел сказать: да будет воля твоя!

В шуму празднества Мельский скоро позабыл неприятное впечатление, оставленное в нем внезапным появлением, словами и выразительным телодвижением юродивого. Он был отменно весел, шутлив и танцевал очень много. Между девицами, украшавшими собою бал, отличалась от всех Софья Ластинская, осьмнадцатилетняя красавица, богатая невеста и лучшая танцовщица в городе. Софья была хорошо воспитана, умна, с добрым сердцем; но на все эти добрые качества набрасывали темную сетку ее кокетство, ветренность или, лучше сказать, легкомыслие и невоздержная охота построить язычок на чужой счет. Мельский имел и сам эту оследнюю слабость, и потому на всех балах, где им случалось быть вместе, в танцах и между танцами они всегда находили случай сообщить друг другу колкие свои замечания насчет других танцовщиков и танцовщиц; иногда, поглядывая на бостонные и вистовые столики, перебирали они сидевших за ними смешных старушек и спорщиков-старичков. Часто яз-

вительная улыбка Мельского или громкий неосторожный смех Софьи обличали перед другими то, что они говорили между собою вполголоса, а провинциальная щекотливость заставляла многих думать, и часто впопад, что тут говорилось на их счет. За что в отплату мстительное самолюбие осмеянных ими или считавших себя осмеянными назвало их неразлучными. И в самом деле, шутя над другими, Софья не обращала внимания на себя: она не замечала, как часто и неосторожно искала глазами Мельского между танцующими, как часто садилась поодаль от других, чтобы приберечь ему место подле себя. Мельский не был из тех молодых самолюбцев, которые всякую малозначащую благосклонность пригожей женщины перетолковывают в свою пользу, однако ж столь явное к нему предпочтение Софьи не укрылось от наблюдательных глаз его; он и сам чувствовал к ней некоторое влечение: Софья была молода, прекрасна, образована, с живым, пылким умом... но, по странному противоречию сердечных склонностей, все их отношения друг к другу ограничивались взаимною охотою шутить

насчет других. Сердце Мельского до сих пор молчало или искало в Софье других качеств, лучше тех, которые он знал в ней по светскому знакомству.

Легко можно догадаться, что и на бале у графини Верской неразлучные скоро отыскали друг друга. В нескольких танцах сряду были они точно неразлучны, и завистливая молодежь и обиженное самолюбие шепотом между собою пророчили уже им скорую свадьбу. Как и часто случается, они, шутя насчет других, не замечали, что и над ними подшучивают. К концу бала стали собираться пары на котильон; Мельский подле Софьи, и, благодаря длинным расстановкам бесконечного танца, острые их замечания в полной свободе переливались от одного к другой и наоборот.

- Вот самая большая красавица, - говорила Софья, указывая глазами на одну из танцовщиц, - по крайней мере по росту; похвалитесь хоть одним гренадером вашего полка, который бы, в кивере и со всею вытяжкой, мог с нею поравняться.

- Зато какой у нее крохотный кавалер, - примолвил Мельский, - он ей ровно вполта-

лии. Посмотрите, как бедненький мучит свои ноги, чтоб не отстать от нее в вальсе. Но мудрая природа везде любит уравнение: оба они, вершковой мерою, составляют полную пару танцовщиков среднего роста.

- Ах, посмотрите, посмотрите на эти желто-серые глазки: как приманчиво они вертятся под белыми ресницами! Бедняжки, и им кажется, что могут кому-нибудь понравиться!

- И, как видно, они не ошиблись. Видите ли, как этот длинноногий немчик, кавалер той дамы, около нее увивается. Bravo! он говорит ей нежности; это видно по немецко-патетическому выражению глаз его и лица.

- Полюбуйтесь жар-птицею: пунцовые цветы на голове, пунцовое платье, пунцовый румянец на щеках и почти пунцовые волосы! Вот ей-то, par excellence, пристал русский эпитет: красная девица.

- А поджаристому ее кавалеру - горе-богатырь. Право, ему вальс кажется похоронным маршем; так он наморщился и такую плаксивую сделал из себя маску.

Слушая и делая также замечания, Мельский заметил, что Софья, иногда со смехом от

его шуток, иногда с весьма важным видом, оглядывалась назад. Там стоял, в нескольких шагах от них, артиллерийский офицер, держал палец у рта, как будто бы грыз себе ногти, и сурово посматривал то на Мельского, то на Софью. Всему бывает конец; и котильон, иногда продолжающийся до утра, особенно в провинциях, на этот раз кончился довольно скоро. Софья скрылась от глаз Мельского, а он, желая подышать свежим воздухом, пошел к стеклянным дверям, ведущим в сад. Там артиллерийский офицер, как видно было, выжидавший его, заступил ему дорогу.

- Позвольте,- сказал Мельский весьма учтиво.

- Позвольте наперед узнать от вас, милостивый государь, что говорила вам и чему смеялась ваша дама?

- Вот хорошо! - отвечал Мельский, не вышедши еще из терпения.- Разве эта дама поручена в ваш надзор? Да если б и так, то надеюсь, что вы столько знаете законы рыцарские...

- Милостивый государь! - запальчиво перервал артиллерист.- Я требую от вас не пусто-

словия, а дела...

- А я требую от вас, сударь,- подхватил Мельский таким же тоном,-сказать мне, где вы взяли право меня допрашивать?

- Я покажу это право в свое время.

- А я покажу, как умею отделять навязчивых допросчиков.

- Дерзкий!..

И слово за слово, шум сделался сильнее и сильнее; около двух офицеров стеснился кружок любопытных: все расспрашивали, от чего начался спор. Но ни Мельский, ни артиллерист не могли и не хотели открыть коренной причины ссоры.

Как и всегда, и в этом случае нашлись услужливые примирители и ревностные поджигатели той и другой стороны. Сослуживцы Мельского твердили, что для чести их мундира это дело должно кончиться дуэлью, и дуэлью смертною; защитники артиллерийского офицера говорили то же. Оба противника сами того искали и хотели. Тут же, вышед в сад, назначили секундантов и свидетелей, место поединка - в роще, на второй версте от города; оружие пистолет, до смертельной или

очень тяжелой раны; и время - на другой день, в семь часов утра.

Не было больше путей к примирению; не было способа объясниться и виноватому извиниться перед правым: все было условлено и положено. К счастью, женщины узнали только, что был спор, а как, за что и чем должен кончиться, о том из предосторожности им не сказали.

Оба противника с их секундантами и свидетелями тотчас уехали с бала. Софья искала глазами Мельского и, не находя его, дивилась его раннему отъезду: она и не подозревала, что была, хотя и не вовсе невинною, но неумышленною причиною того, что он должен был выставить грудь против пули.

Приехав домой, Мельский сел перед письменным своим столом и не думал уже ложиться в постелью. Он призвал своего слугу, велел подать пистолеты, сам их осматривал, выбирал и примерял пули, готовил заряды. Но природа брала свое: дело, так сказать, валялось у него из рук, пули падали на пол, а порох сыпался мимо патронов. Крайняя его рассеянность или, справедливее, отсутствие

всякой посторонней мысли, кроме предстоящего поединка, была бы заметна и не для таких пытливых глаз, какие были у Игнатья, слуги его.

С первого взгляда, по приезде барина, Игнатий заметил уже перемену в лице его; отрывистые приказания, поминутно повторяемые и отменяемые, изменившийся голос, требование пистолетов и зарядов - все это помогло ловкому слуге разгадать страшную истину. Он не смел спросить о том своего барина; но, привыкши с малолетства быть при нем и, несмотря на небольшие свои проказы, будучи к нему искренно привержен, он вышел в переднюю и заплакал горькими слезами.

В это время послышался сильный стук у наружной двери. Игнатий вздрогнул, холод рассыпался по всем его членам; однако ж он вышел и отпер дверь, чтоб узнать, кто стучался: это был юродивый.

- Василь говорил тебе ровно за неделю: "Будешь плакать!" - и должен плакать; добрый, добрый господин! дает полную горстью и никогда не считает.

С сими словами пошел он прямо в комнату

Мельского. Игнатий не имел духа остановить его.

Мельский все еще сидел за письменным столом как бы в окаменении, устремля неподвижные глаза свои на стол, на котором лежала перед ним белая бумага. В лице ни кровинки; дыхание с каким-то напряжением вырывалось из груди; изредка только легкий судорожный трепет пробежал по его членам, и тогда тонкая краска вдруг вспыхивала на щеках его и вдруг погасала.

- Это ты? - сказал он, обернувшись, Василию, который вошел и стал против него.- Что скажешь?

Василь только покачивал тихо головою и не говорил ни слова.

- На, поделись с бедной братией и помолитесь за... за меня! - промолвил Мельский, схватя свой бумажник и вынув из него сто-рублевую ассигнацию, которую подал юристовому.

- Поздно! - отвечал Василь, как бы удерживая вздох. - Однако ж Василь возьмет, Василь оделит братию... Пусть так! - продолжал он после некоторого молчания и с расстановка-

ми.- Была не была!., от нее не уйдешь... рано, поздно- все равно... была не была!

Мельский смотрел на него в недоумении: было ли то приправленное по-своему утешение со стороны юродивого, или другая какая мысль вертелась в расстроенной голове его - Мельский не мог отгадать.

- Бог же с тобою! - сказал он юродивому по некотором молчании, показывая глазами на дверь. "Бог и с тобою!"

Отвечал Василь. "Да, бог с тобою!" - повторил он выразительным, растроганным голосом, который не отзывался уже грубостью и отсутствием ума, как обыкновенная речь юродивого. Он обернулся, пошел к дверям, подняв руки к небу, и при выходе сказал только, как бы на что решившись: "Ну!"

Появление его рассеяло раздумье Мельского; по уходе юродивого он принялся писать; потом позвонил, и Игнатий с заплаканными глазами явился на зов своего барина.

- О чем ты плакал? - спросил его Мельский.

- Да как, сударь!., что с вами... что со мною будет!..- И после сих перерывистых слов Игнатий зарыдал снова.

- Ты добрый малый, - сказал ему Мельский, встав и по-ложив руку ему на голову, - живи хорошо, веди себя честно... Вот тебе покамест, - прибавил он, подавая ему пучок ассигнаций, - а здесь и ты и все другие не забыты. Это письмо отдай - если что случится - моему дядюшке. - Тут он указал на лежащее на столе запечатанное письмо.

Игнатий расплакался и разрыдался пуще прежнего, целовал руки своего барина, клялся, что ему будет житье не в житье, если не станет доброго его господина. Мельский был очень растроган.

Часы между тем текли своим нерушимым порядком; первые лучи солнца проникали уже в спальню Мельского. Он поднял шторы, открыл окно в маленький садик своей квартиры. Ранние птички чиликали в садике; утро было прелестное; роса светилась на зелени. Мельский высунул голову в окно и снова впал в задумчивость. Он думал, что, может быть, это последнее утро его жизни, что он не будет уже в сей вечер провожать глазами заходящего солнца и ночь, непрерывная ночь протянется над ним до бесконечности. Неиз-

вестность будущего, страшный шаг, который должно было ему переступить, - все это толпилось в его воображении и тягчило сердце непомерным гнетом.

Долго оставался Мельский в сем положении. Легкий удар по плечу вывел его из забвения; вздрогнув, он оглянулся. Перед ним стоял Свидов, его секундант; поодаль оба свидетеля поединка с его стороны, офицеры их полка.

- Полно рассуждать о суете мира сего, - весело сказал ему Свидов. Теперь половина шестого; нам остается полтора часа. Вели нам подать водки и чего-нибудь перекусить. Тебе, брат, не прогневайся, не дадим: поговей покамест. Такие игры разыгрываются на тощий желудок.

В решительных случаях спокойствие и веселое расположение духа одного товарища сильно действует и на прочих: так и здесь было. Три офицера весело принялись за поданный завтрак; Мельский сел с ними, хотя и ничего не ел. Свидов оживлял беседу. Он шутил, смешил своих товарищей насчет Мельского, говорил, что он нарочно постарался выкро-

ить себе такую плаксивую личину, потому что собирается отпевать своего противника, и тому подобное. Смех прилипчив; Мельский и сам развеселился, особенно, когда к концу завтрака Свидов, а за ним и оба другие офицера, налив полные стаканы вина, приподняли их и громко воскликнули: "Твое здоровье, Мельский!.."

- Отблагодарю вас, господа, через два часа, а не прежде,- отвечал Мельский с вольным духом.

Свидов взглянул на часы. "Ого, друзья, сколько мы бражничали: половина седьмого. Мельский, вели подать свои пистолеты и заряды: я как распорядитель жизни или смерти твоей - не бледней, милый друг!-хочу освидетельствовать, все ли боевые снаряды в должной исправности".

Пистолеты были осмотрены, лошади поданы - и через десять минут четверо товарищей были уже за городом. С каждым шагом ближе к месту поединка, звук копыт конских о землю звонче и звонче отдавался в ушах Мельского. Однако ж он был бодр: естественная или умышленная веселость Свидова и других

офицеров, с ним ехавших, придавала ему духу. Приближаясь к назначенному месту, они заметили пыль по дороге и скоро увидели, что следом за ними неслись на всех рысях несколько человек. Это был противник Мельского и его ассистенты.

- Мы их опередили и кстати, - молвил Свидов, - покамест отдохнем и сгладим последние морщины с лица у Мельского.

Но Мельский был уже не тот: решимость, понятие о чести и чувство оскорбления придали ему необыкновенную отвагу. На лице его сияло совершенное спокойствие; он очень свободно расхаживал и холодно, но вежливо поклонился прибывшим в эту минуту товарищам его противника.

Свидов и секундانت артиллерийского офицера сошлись, передали несколько слов друг другу, выбрали и зарядили пистолеты, потом, разделя поровну между противниками свет и ветер, мигом отмеряли восемь шагов на бартер и по пяти в обе стороны, чтобы сходиться. Подавая пистолет Мельскому, Свидов взглянул на него пристально и подивился и порадовался спокойствию и хладнокровию, кото-

рые выражались в чертах его лица и во всех поступках. "Славно!-сказал он вполголоса.- Для первой дуэльной попытки это слишком много". С этими словами отступил он несколько шагов и стал рядом с секундантом противоположной стороны. Уже пистолеты подняты, пальцы на шнеллерах, уже противники ступили шаг... тяжкое ожидание заняло дух у секундантов и свидетелей... Кому-то пасть? или обоим? Оба равно смелы, оба равно тверды... только в артиллерийском офицере заметна была какая-то нетерпеливость в движениях: может статься, это было следствие обыкновенного его характера, или он, считая себя более обиженным, хотел скорее отметить за свою обиду.

- Стой! - вдруг раздался громкий и твердый голос, и, по невольному движению, оба противника опустили пистолеты. Прежде нежели могли прийти в себя и они и их секунданты, юродивый стоял уже между поединщиками.

- Что вы делаете? - продолжал он тем же голосом.- Вы оба неправы; только ты виноватее, - примолвил он, оборотясь к артиллерий-

скому офицеру. Драться вам не за что!..

- Протолкайте этого сумасброда! - закричал артиллерийский офицер.

- Сам ты сумасброд, что накликаешь на свою голову кровь неповинную,-сказал юродивый между тем, как секунданты и свидетели обеих сторон схватили его и хотели оттащить. Василь одарен был необыкновенною силою; по крайней мере, в этом случае показал он чрезвычайные усилия; шесть человек едва могли с ним сладить; наконец, оттащив его в сторону от барьера и видя, что он снова мечется к поединщикам, служившие свидетелями офицеры взялись его держать, а секунданты стали снова на свои места.

С одинаковою неустрашимостью противники пошли опять друг против друга; уже они почти на барьере, уже метят, курок спускается... Выстрел!.. "Стой!., ох!" - и юродивый упал от пули артиллерийского офицера. В то же мгновение другая пуля просвистала над ухом артиллериста.

Пистолеты обоих противников, как по команде, упали на землю. Все бросились к юродивому. Он был еще жив. Кровь была клубом

из-под распахнувшейся его одежды. Полковой лекарь, приглашенный предусмотрительными товарищами Мельского и крившийся в ближнем леску, прибежал на выстрелы и, освидетельствовав рану, объявил, что она смертельна. Пуля по близости удара пролетела насквозь; часть внутренностей несчастного была повреждена.

Начали перевязывать рану. Ничто не служит таким надежным шагом к сближению двух противных сторон, как общее участие к одному предмету. Помогая лекарю в его попечениях, раздирая свои платки и спорясь, так сказать, в условиях облегчить страдания раненого бедняка, Мельский и противник его не сказали еще ни слова. Наконец сей последний, держа компресс на ране больного, тогда как лекарь отошел в сторону готовить бинт, взглянул в лицо Мельского, который поддерживал голову страдальца, и с некоторым усилием сказал: "Поединок наш еще не кончен!"

- Скажите, бога ради, за что вы меня вызвали? - вскричал Мельский как бы по невольному движению.

- Вы сами должны это знать: не вы ли меня оскорбляли? Не вы ли смеялись на мой счет с тою, чьей руки я искал и еще не позабыл огорчительного ее отказа.

- Клянусь честью, что в разговоре моем с Софиєю не было о вас ни слова. Я не дал бы этой клятвы, когда шел против вашей пули; теперь, над трупом сего бедняка, пострадавшего в нашем деле, я должен вывести вас из заблуждения.

- Почему ж она, говоря с вами, оглядывалась на меня и язвительно усмехалась?

- Это самого меня удивляло, и я хотел когда-нибудь выведать от нее тому причину. Но, повторяю снова свою клятву, предмет шуток наших и смеха были другие, а не вы.

Артиллерист помолчал несколько минут; он призадумался и, казалось, что-то припомнил; потом сказал тихим и горестным голосом и как бы сам себе: "И в этот раз запальчивость моя и подозрительный нрав довели меня до исступления ума, даже до убийства. Боже мой!.. Но я уже наказан - должен понести без ропота и то наказание, какое законы значат убийце".

Мельский, по чувству соучастия, протянул к нему руку и хотел утешать его. Артиллерист схватил его руку, сжал ее и сказал: "Простите ли вы мне опрометчивость мою, забудете ли нанесенную вам обиду?"

Молодой, мягкосердечный Мельский снова и крепко сжал ему руку. Он был удовлетворен вполне: товарищам своим и, следовательно, всему полку доказал он, что не боится порохового дыма; понятию о чести принес он жертву, соперник его просил у него прощения; чего ж мог он более требовать?

Привстав на колена и не отнимая руки от компресса, артиллерийский офицер протянул голову к Мельскому. Они йоцеловались.

- Давно бы так!-сказал юродивый, который только что опамятовался. В это время подошел лекарь и dokonчил перевязку: раненый не испустил ни одного вздоха и не впал снова в беспамятство.

Офицеры подошли к примирившимся соперникам, поздравляли их с мировою; и Свилов первый как большой и опытный знаток в дуэльных делах сказал, что оба противника шли отлично и что сам он дерется со всяким,

кто хоть заикнется против сего поединка.

В это время Мельский взглянул на лицо юродивого: он звал его глазами. Мельский наклонился к нему. "Я знал, чем кончится, - говорил Василь слабым, но внятным голосом, - бог положил это мне на сердце. Я знал, что поведу тебя на могилу твоей тетки: ты с приезда сюда не был еще у нее на могиле. Добрая, добрая была у тебя тетка: любила нищую братию и много ее наделяла. Василь был от нее и сыт, и одет, и пригрет!.. Десять лет как она отошла к отцу небесному... Оттого и тебя полюбил я с первого взгляда, хотел узнать тебя поближе, да тебе было не до меня: суета сует закружила тебя. Я хотел отблагодарить за хлеб-соль твоей тетке; сказал, что помешаю тебе лежать, - и помешал".

Юродивый умолк. Мельский, роняя слезы на лицо его - дань благодарности и человечеству, которой он не стыдился, - вспомнил при том, что если б юродивый не подоспел, то пуля действительно попала бы прямо в него и, может быть, также навывлет; ибо выбранные секундантами пистолеты были велики и сильно заряжены, по человеколюбивому рас-

чету Свидова, чтоб не долго мучиться раненому.

Офицеры разошлись в разные стороны и за хорошую плату собрали несколько крестьян, работавших вблизи того места. Им велели из соседнего леса вырубить хворосту и сделать плетеные носилки, чтобы перенести в город раненого. Как скоро добрые малороссияне узнали, что раненый был Василь, то не хотели даже взять платы за перенесение его: они считали, что благословение божие будет на них и на их дома за услугу, которую окажут они юродивому. Дивились они только и шепотом между собою рассуждали, каким образом и кем он застрелен; но Василь, вслушавшись в их слова, сказал: "Я сам, братцы, напекался на смерть: так богу было угодно! здесь никого не вините".

Слушая его слова и веря им, ибо знали, что Василь никогда не говорил неправды, крестьяне прекратили свои толки. На носилки настлали мягкой травы и сверх нее положили несколько свит¹, чтоб раненому было еще мягче. Свидов сверх всего этого разостлал свою офицерскую шинель. Офицеры, как бы в

погребальном шествии, тихим шагом ехали за носилками.

В предместьях города офицеры велели остановить носилки и постучались в двери одного маленького, но опрятного домика. Там жила добрая старушка, вдова. Узнав, что дело идет о том, чтобы дать приют Василию, она тотчас отперла дверь, очистила небольшую светлицу и приготовила мягкую постель для больного. Лекарь охотно вызвался навещать его, хотя и не предвидел никакой надежды его излечить.

Мельский ходил каждый день навещать его о его здоровье и с каждым днем видел постепенное угасание последних искр жизни этого непонятного человека. Василь говорил мало и говорил ему о тетке его, о ее добродетелях и благотворительности, присовокупляя иногда короткие, но сильные наставления для будущей его жизни. Во всех словах его не было уже признаков прежнего юродства, ни предсказаний. Так прошло три дня. На четвертый Мельский, нашедши хозяйку дома в первой комнате, спросил у нее о больном.

- Ему сегодня лучше,- отвечала старушка,-

он спокойнее провел ночь и утром говорил громче и больше, нежели в прежние дни. Вспоминал о вас. Теперь, кажется, заснул; я выходила на час из дому, а после не слыхала никакого шума в его комнате, почему и думаю, что он спит.

Мельский отворил немного дверь в светлицу: ни на постеле, ни в комнате никого не было. Старуха вскрикнула, бросилась искать по всему дому, бегала в маленький свой садик, спрашивала у соседей, нигде не было Василя, никто не видал его! Наконец Мельский сам пошел искать и расспрашивать. Одна маленькая девочка сказала ему, что видела, как Василь через силу брел по улице к кладбищу. Мельский тотчас пошел туда. До кладбища было очень недалеко от дома старушки, легко могло случиться, что Василь, в новом припадке юродства, вздумал посетить заживо последнее свое жилище. При входе в кладбище Мельский увидел у одного памятника человека, который сидел на подножии, прилегши головою на низкий цоколь надгробного камня.

Мельский подошел к нему: это был точно

Василь; но заостренелые члены и посинелое лицо его показывали, что жизнь уже отлетела из полуразрушенной своей оболочки. Долго стоял Мельский в задумчивости над холодным трупом человека, принесшего ему в жертву жизнь свою: потом, рассматривая надгробие, прочел он, что памятник сей скрывал под собою прах его тетки. Юродивый в последние дни свои принес двойную дань благодарности.

- Ты сдержал свое слово! - говорил Мельский - Ты привел меня на могилу тетки, и сам пришел посвятить последний вздох свой благодарному о ней воспоминанию. Покойся же с миром!

Грустно возвращался Мельский с кладбища. Обще с артиллерийским офицером, неумышленною причиною смерти юродивого, устроил он приличное погребение сему земному страдальцу, и сам шел за гробом его, товарищи Мельского и все участвовавшие в поединке также отдали последний долг умершему сочеловеку. Стечение народа, собравшегося даже из окружных сел на погребение Василя, показывало, в каком уважении был

юродивый у сих простых, но добрых людей. Особенно нищие с плачем провожали его в могилу: будучи сам нищ, он находил способ помогать им и делился с ними подаянием, которое получал. Одна дряхлая, как остов иссохшая старуха плакала и выла больше всех; когда кончено было погребение, когда разошлись все, и старый и малый, она одна осталась на могиле и кропила свежую землю своими слезами. И после часто видали ее на могиле юродивого; мать ли то была, родственница, или только предмет особых попечений покойного: никто не решился у нее спрашивать, и она никому о том не говорила.